

М. С. Белоусов

Польский заговор в день восшествия на престол Николая I: версия испанского дипломата Паеса де ла Кадены*

Интронизация великого князя Николая Павловича и вызванный этим мятеж гвардейских полков являются подробно изученной в историографии проблемой. За прошедшие почти два столетия были предложены основные концептуальные модели интерпретации событий 14 декабря. Говорилось и об офицерах, зараженных дурной нравственностью и обманувших доверие солдат¹. В 1925 г., к 100-летию юбилею, историки, на тот момент уже советские, предприняли попытку среди фигур деятелей тайного общества обнаружить протобольшевиков и протоменьшевиков². Спустя четверть века сама попытка выступления стала восприниматься как неудавшаяся буржуазно-демократическая революция³. На закате советской эпохи революционеры стали реформаторами, а главный акцент был смещен на поступок графа М. А. Милорадовича, запустивший политический кризис междуцарствия⁴. Предлагаемые в качестве приложений к данной статье послания испанского дипломата Хуана Мигеля Паеса де ла Кадены озвучивают еще одну версию случившегося, достаточно фантастическую на первый взгляд: в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 г. произошел мятеж, подготовленный польскими офицерами.

* Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073-п «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Дореволюционные и советские историки практически не замечали присутствия в Петербурге испанского дипломата. Королевство давно перестало быть великой державой и не участвовало в международной борьбе ни по восточному, ни по какому другому вопросу, стоявшему тогда на повестке дня. Но в последние годы интерес к этой фигуре усилился. Е. Э. Юрчик посвятила его наблюдениям о ходе политического кризиса небольшой очерк⁵. Р. О. Райнхардт реконструировал обстоятельства появления Паеса де ла Кадены в Петербурге в контексте восстановления дипломатических отношений между Россией и Испанией⁶, круг его контактов, особенно в связи с его знакомством с А. С. Пушкиным⁷. В отдельной статье мы рассматривали депеши дипломата как источник по истории междуцарствия, прежде всего с точки зрения анализа слухов и предчувствий⁸.

Визуализируя Паеса де ла Кадену, мы должны представить себе 51-летнего немолодого мужчину, классического фернандино⁹, т. е. придерживающегося легитимистских воззрений и имевшего все основания в письме к К. В. Нессельроде по поводу своего шефа герцога Инфантадо дать такую характеристику: «Человек, вся жизнь которого отмечена продолжительной службой, наиболее выделяющейся по отношению к королю, его господину, даже в эпохи настолько критические, и имя которого напоминает обо всем наиболее доблестном, преданном и благородном, что есть среди испанских подданных»¹⁰. Эту фразу можно считать политическим кредо самого посланника. При этом Паес де ла Кадена не был классическим кадровым дипломатом: его необычная карьера явственно отражает все те перипетии, которые должна была пережить его родина в первой четверти XIX столетия. Протагонист нашей статьи успел побывать и молодым моряком, и военным аудитором, и членом Центральной хунты в период наполеоновского вторжения, и правительственным служащим в период реставрации.

Многочисленные ошибки в именах и названиях, которые встречаются в его посланиях, хранящихся в Национальном историческом архиве (г. Мадрид), показывают, что Паес де ла Кадена достаточно плохо адаптировался в стране пребывания. Сравнивая его послания с сообщениями других дипломатов, мы видим, что функционал испанской миссии сводился к исключительно наблюдательным задачам конкретно в этот период: серьезных переговоров ни по политическим, ни по экономическим сюжетам между странами не велось. И поэтому, если французский представитель Ла Ферроне накануне междуцарствия направлял огромные депеши о развитии восточного вопроса¹¹, то Паес де ла Кадена лишь пересказывал городские слухи и делился бытовыми зарисовками¹². Ла Ферроне был встроен в структуру придворных интриг и, следовательно, достаточно точно оценивал логику развития политического кризиса после смерти Александра I, отчего был чрезвычайно сдержан в своих сообщениях. Испанский дипломат, напротив, подробно фиксирует все новости, которые до него доносятся.

Как и Л. Лебцельтерн, Паес де ла Кадена рассуждает о возможном польском преломлении политического кризиса. Но в данном случае мы должны обратить внимание на совершенно различные мотивировки. С одной стороны, австрийский дипломат был свояком С. П. Трубецкого, тестем И. С. Лавалы, и в том числе благодаря подобным семейным связям мог располагать доступом к информации, циркулировавшей в среде как правительственного истеблишмента, так и высшего офицерства. Несмотря на отсутствие преследования последнего, это семейная близость не могла не стать объектом для подозрений¹³. С другой стороны, развитие именно польского вопроса максимально волновало непосредственного руководителя Лебцельтерна — всемогущего канцлера К. Меттерниха¹⁴. У Паеса де ла Кадены не была ни таких связей, ни подобной мотивации. Поэтому его взгляд на события 14 декабря можно было отнести к воззрениям великосветских зевак, которые волей случая оказались в эпицентре бури.

Публикуемые в настоящей статье депеши дают возможность подтвердить этот тезис. Но прежде отметим, что за два неполных дня (14–16 декабря) Паес де ла Кадена отправляет восемь депеш. Депеша № 147 датируется 14 декабря и представляет собой сопроводительное письмо к трем пересылаемым документам: это копии писем Елизаветы Алексеевны к Марии Федоровне, текст клятвы Константину (sic!) и копия с предложения сенатора Ланского о создании памятника Александру¹⁵. Депеша № 148, датируемая тем же днем, посвящена проблеме используемых шифров¹⁶. Депеша № 149 отправлена тогда же и содержит информацию, «что этим утром только вел. кн. Михаил» и сообщил об отказе Константина от престола¹⁷. В данном послании рассказы о присяге Сената, Государственного совета и гвардии перемежаются с рассуждениями о благородстве братьев. Полное отсутствие информации о восстании дает возможность достаточно точно датировать это сообщение: оно было написано между сообщением о присяге Госсовета и выходом Московского полка, т. е. около 10:30–11:00 часов утра. Депеша № 150 написана, видимо, за полночь 15 декабря или позже, но однозначно свидетельствует, что дипломат еще не отправлялся ко сну и день восстания для него еще продолжается. На это нам указывают два обстоятельства: ее датировка 27 (15) декабря, однако в самом начале используется указательное местоимение «это», в испанском языке свидетельствующее о принадлежности к настоящему плану¹⁸.

Публикуемая депеша № 150 представляет собой вполне традиционный рассказ о событиях 14 декабря. Некоторые неточности нам указывают, что испанский дипломат так и не решился покинуть миссию, находившуюся неподалеку от места восстания. Обратим внимание на порядок присягнувших органов, согласно Паесу де ла Кадене: он указывает их, переставляя на первое место Государственный совет, видимо следуя логике восприятия его как высшего органа. Все подробности и хитросплетения утренней присяги сенаторов ему либо неизвестны, либо кажутся чем-то незначительным. Солдат испанский дипломат достаточно быстро артикулирует как «свораченных» или «обманутых»,

явно демонстрируя конспирологический образ мышления. Известия о ранении В. Н. Шеншина и М. А. Милорадовича помещены в одно предложение, в результате чего ранение первого воспринимается как тоже произошедшее на Сенатской площади. Интересно обыгрывается сюжет о присоединении двух частей лейб-гвардии Гренадерского полка: их отправили на подавление, а они перешли на сторону восставших. И самое любопытное: даже крайне плохо осведомленный иностранец, с ошибками писавший большинство фамилий и названий, демонстрирует уверенность, что сумерки стали бы триггером для разрастания восстания.

Депешей № 151 Паес де ла Кадена пересылал официальное объявление от Нессельроде о восшествии Николая на престол и вырезку из *Journal de St-Petersbourg* с манифестом и всеми приложениями¹⁹. Послание № 152 от 16 декабря сообщает о встрече испанского посланника с Нессельроде, имевшей место за день до того²⁰. Но ее содержательные подробности представлены уже в следующей депеше — № 153²¹. Этот документ демонстрирует, как воспринимал 15 декабря события предшествующего дня руководитель российского МИДа. В столице был организован заговор, с одной стороны, польскими офицерами, с другой — дворянской аристократической фрондой. Не случайно все имена приводятся с титулами. И этот заговор был нацелен на то, чтобы обманом вовлечь солдат, «развязать гражданскую войну и посеять смятение». То есть в самых первых оценках отмечается, что в столице случился бунт совсем не конституционалистов или аболиционистов. Здесь однозначно указывается на хаос и анархию как на главные устремления. Подобная интерпретационная модель выдает в Нессельроде сторонника мифологемы о всеевропейском заговоре тайных обществ.

Концепт возник в 1820 г. в связи с началом революций в Южной Европе. Еще дореволюционные исследователи считали, что К. Меттерних сыграл решающую роль в консервативном повороте Александра I практически во всех аспектах политики²². Именно под воздействием австрийского канцлера сначала у императора, а затем и у его окружения сформировалась глубокая уверенность в существовании сети тайных обществ с центром в Париже, состоящих, как правило, из городской интеллигенции, а деятельность этой сети была направлена на подрыв политической и социальной стабильности во всей Европе²³. В устах К. В. Нессельроде это положение звучит иначе, с явными новыми оттенками: в его истолковании место главных заговорщиков занимает аристократия, а центр, из которого спрут заговора простирает свои щупальца, перемещается из Парижа в Варшаву. Отдельные фразы артикулируют поляков как непрременных носителей ужасов мятежа и безначалия: «переодетые отставные офицеры, в большинстве своем поляки» — так на полном серьезе рассуждал 15 декабря руководитель российской внешней политики.

Сама по себе трансформация мифологемы заставляет нас задуматься над реконструкцией этого процесса. И очевидно, что для подобного преобразова-

ния проще всего было бы найти русского Меттерниха, т. е. того человека, который доказал Александру, убежденному в существовании сети тайных сект, что ему угрожают прежде всего польские общества. Подобная роль вполне могла бы подойти Н. Н. Новосильцеву. Несмотря на все попытки исследователя его политической биографии О. А. Любезникова доказать, что его протагонист стремился занять достаточно умеренную политическую позицию²⁴, этот тезис остается спорным. Сохранилось достаточное количество рапортов, докладов Новосильцова, в которых он весьма четко артикулирует поляков как главных возмутителей политической стабильности. Помимо документов, собранных О. А. Любезниковым, следует обратить внимание еще и на следующие материалы: в мае 1823 г. Новосильцев сообщает императору о слухах в связи с масонскими ложами, которые не прекратили свою работу, несмотря на запрет²⁵; чуть позже — Константину о «беспокойном духе» учащихся Свислочской гимназии и недостатке за ними политического надзора²⁶; в декабре 1824 уже обоим — о недостаточности надзора за ввозом книг в Польшу²⁷. Стоит обратить внимание, что его доклады о беспорядках в Виленском университете переплетаются с сообщениями о Польском сейме²⁸. Но при том что иногда Новосильцев прибегает к конспирологической и явно охранительной риторике, мы не можем говорить, что он однозначно ретранслирует положения мифологемы.

Его непосредственному шефу в Царстве Польском, великому князю Константину Павловичу, наоборот, принадлежит целая череда ярких высказываний, раскрывающих его истинную веру в существование всемирного заговора тайных обществ. При этом сообщения о событиях в Неаполе и Греции он имплементировал к сфере своей служебной ответственности и считал важным не допустить их распространения в Литовском корпусе²⁹. Известные воспоминания Евгения Вюртембергского свидетельствуют, что в ноябре 1825 г. Константин находился в истеричном состоянии, считая себя единственным фактором, сдерживающим распространение заговора в Польше³⁰. Подобное настроение становится понятным при сплошном контент-анализе документов, поступавших на его имя: некоторые из них представлены в материалах Собственной Его Императорского Величества канцелярии, например рассказ о том, как один из воспитанников Виленского университета собирался присоединиться к Неаполитанской революции³¹. Записки и доклады, отложившиеся в Военной канцелярии великого князя, пестрят рассказами о студентах, распеваящих оды свободы, об испорченных нравах, о проникновении духа вольнодумства³².

В качестве наиболее яркого примера в этом широком перечне документов выделяется переписка между Константином и П. П. Коновницыным³³. Первый требует объяснить причины и пресечь распространение духа «вольнодумства и якобинизма». На что получает разработанную систему мер, включавшую четкое цензурирование читаемых книг и обязанность ротным командирам вникать в образ мыслей кадетов. Сама риторика показывает, что «якобинизм» воспринимается как что-то эквивалентное инфекции, ведь «по неопытности своей

кадеты могут перенимать вредные мысли, в сообщении с другими участвуя в суждениях вредных»³⁴. Из данной переписки можно уяснить, как происходила модуляция исходного варианта мифологемы. На похожий процесс, но в рамках другого кейса обращал А. Л. Зорин³⁵.

Это заставляет нас задуматься о необходимости деперсонифицировать процесс распространения мифологемы: отказаться от модели, подразумевающей влияние одного, пусть и очень значимого и влиятельного человека, в пользу конструкта, учитывающего многоголосие отдельных ярких и максимально артикулированных высказываний, постепенно сложившихся в конспирологический дискурс. Стоит еще раз подчеркнуть, что донесения российских дипломатов из Испании в 1820 г. создавали не менее благоприятную почву для распространения страха перед начавшейся революционной стихией, чем изречения К. Меттерниха о ходе итальянских событий³⁶. Именно они первыми стали сигнализировать о парижском комитете как центре, координирующем тайные общества офицеров для подстрекательства солдат к бунту. Поэтому и следующий этап развития мифологемы, в рамках которого главной угрозой для стабильности российской империи становятся польские общества, стоит считать результатом многочисленных и невзаимосвязанных артикуляций представителей российского истеблишмента, по долгу службы оказавшихся вовлеченными в управление Царством Польским. Безусловно, наибольшую истеричность в этом вопросе проявлял человек, к которому стекалась вся подобная информация, — Константин. Но за его конспирологической риторикой нужно усматривать многочисленные записки, рапорты, сообщения, однозначно указывавшие на абстрактных поляков как на новых протагонистов мировой анархии. Именно такой взгляд и выразил К. В. Несельроде 15 декабря, а незадачливый испанский посланник его в точности воспроизвел в своей депеше.

Приложение

Депеша № 150

С.-Петербург, 27 декабря 1825 года
Его Светлости Герцогу Инфантадо
от Посланника Его Величества в России

Многоуважаемый господин, Ваша Светлость, после составления мною депеши за номером 149, отправленной утром сего дня, в любую минуту ожидалось обещанное нам официальное извещение о новой присяге императору Николаю, и сообщение об этом должно было быть послано вместе с прочей экстраординарной корреспонденцией, коей надлежало быть отправленной с французским послом, однако же последовавшие затем крайне прискорбные события отложили ожидаемое известие и привели всю столицу в крайнее замешательство.

После того как императору Николаю присягнули Государственный совет, Сенат, прочие органы власти, Главный штаб и вся императорская гвардия, один батальон Московского полка, явившись со знаменем для принесения присяги, объявил себя мятежным и в крайне возмутительной форме заявил, что не подчиняется никому, кроме как императору Константину, коему батальон и присягнул несколько дней назад. В свете сего крайне неблагоприятного происшествия и с учетом того, что восставшие около полудня собрались в штабе гвардии, расположенном в здании Сената, что на Исаакиевской площади (по соседству с Сенатской площадью), незамедлительно были приняты соответствующие меры. Тут же начал собираться народ, как всегда случается в подобных обстоятельствах. Часть солдат из другого формирования, называемого Гвардейским экипажем, неожиданно и беспорядочно прибыла, чтобы присоединиться к восставшим. С оружием наготове значительная часть гвардейской пехоты и кавалерии во главе с новым императором Николаем, сопровождаемым своим братом, великим князем Михаилом, а также генерал-адъютантами, адъютантами и прочими, выдвинулись к Исаакиевской площади, где между конной статуей Петра Великого и зданием Сената вооруженные восставшие образовали каре, а также находилось некоторое количество офицеров и гражданских лиц. Их всячески пытались увещевать, дабы они осознали всю степень своего заблуждения, но все они, словно ослепленные или совращенные, не желали ничему внимать, ничего слышать, а только кричали нестройно в ответ «Ура Константину!». Выдающиеся и уважаемые генералы, генерал-адъютант граф Милорадович, военный губернатор города, и генерал Шеншин пытались переубедить и образумить толпу, со свойственным этим выдающимся военачальникам пылом упрекая ее, но восставшие, удивительным образом позабыв всю субординацию, почти в неистовстве оскорбляли их, не признавая их власть до такой степени, что атаковали их саблями и штыками, отчего граф Милорадович был тяжело ранен. Затем вперед был направлен батальон гренадеров,

теперь уже угрозами пытавшийся склонить всех к порядку, однако же, к большому сожалению, немало гренадеров сами были увлечены всем этим вздором и перешли на сторону восставших. Наконец, сам император пытался внушить им, что причина их восстания простибельна и он готов обо всем позабыть, если только они тотчас же сдадутся, расскаются, увидев, что все было впустую; между тем приближались сумерки, что могло привести к еще большим беспорядкам, так что пришлось прибегнуть к крайним мерам после того, как на несколько предупредительных кавалерийских атак восставшие ответили огнем, и была, наконец, применена артиллерия, причем число жертв пока еще трудно оценить, поскольку велено было избегать кровопролития; как бы то ни было, восставшие в беспорядке бросились во все стороны, большинство — по Галерной улице (куда выходит дворовой фасад и двери этой миссии), после того как все рассеялись по этой части столицы и в окрестностях, пришел конец этому столь же нелепому, сколь и бессмысленному собранию. Пока еще сложно оценить точное число мятежников, многих из которых все еще находят и арестовывают; речь сейчас идет о выяснении истоков всех этих беспорядков, вся столица патрулируется, в некоторых местах находится гвардия, в непосредственной близости от императорского дворца сосредоточено немало солдат и артиллерии. Вот так печально и неожиданно завершился сей день, в который должны были лишь щедро расточаться милости, но все было смыто столь напрасно пролитой кровью, все сердца наполнились болью. Я продолжу назавтра информировать Вашу Светлость обо всех новостях, что узнаю о произошедших в день 26-й текущего месяца событиях, если случится отправка экстраординарной почты.

<...>

X. М. Паес де ла Кадена

Депеша № 153

Санкт-Петербург, 28 декабря 1825 года
Его Светлости графу Инфантадо
Посланник Его Величества в России

Ваша Светлость, многоуважаемый господин: расследование гибельных происшествий вчерашнего дня начинает раскрывать вещи достаточно чувствительные, причем известные до смерти прежнего императора. Кажется, что была предпринята попытка вовлечь солдат, развязать гражданскую войну и создать смятение. И хотя все еще неизвестны многие ключевые преступники, но уже бесспорно участие польских военных и некоторых представителей знати, которые стремились сбить с толку солдат; среди них выделяются прежде всего — и они уже арестованы — князь Бестужев, князь Оболенский, князь Щепин-Ростовский и князь Трубецкой, полковник главного штаба, чьей женой является дочь графа Лавала, — стало быть, он приходится тестем австрийского посланника

графа Лебцельтерна, и именно в доме последнего, как уверяют, сегодня утром был задержан Трубецкой и препровожден офицером и жандармами в крепость. Щепин-Ростовский — офицер Московского полка, один из тех, кто склонил полк к участию в мятеже, и именно он ранил полковника Штуллера, находящегося сейчас в крайне тяжелом состоянии. Увидев приближение артиллерии, он заявил, что хотел бы говорить с великим князем Михаилом, но верные офицеры набросились на него, сорвали с него эполеты, разоружили и разодрали форму, и только после этого, ведомый солдатами, он предстал перед государем. Его допрашивал в присутствии императора генерал-майор барон Толь, в результате чего было добыто много информации, следствие которой — арест Трубецкого и других, чьи роли были раскрыты, хотя в самом восстании они не участвовали. Бестужев и Оболенский больше других отличились во время мятежа, их удалось задержать ночью, когда они прятались, сбегав с площади; именно они, видимо, ранили генерала Шеншина, чья жизнь сейчас в опасности, а также генерала Милорадовича, скончавшегося вчера утром; в последнего, когда войска готовы были уже ему подчиниться, выстрелили из пистолета. Арестованы многие их соотечественники, например Горский, тоже поляк, Кнукентас, и многие другие младшие офицеры, общим числом около 70 человек, — вероятно, именно столько было вовлечено в заговор, при этом среди них был только один конный гвардеец (из лейб-гвардейского соединения, называемого *Lobarkou*), который бежал после того, как его многие видели среди восставших; вероятно, он после покончил с собой. Многие свидетельствуют, что произошла неразбериха; были склонены к мятежу еще несколько полков помимо Московского, в том числе морской, он же Гвардейский экипаж, и часть гренадеров, примкнувших к восставшим, но присутствие императора и его брата, а также стойкость и выдержка прекрасного Кавалергардского полка и представителей Конного полка образумили их, и все расстроилось. Кажется маловероятным также и то, что было удалось склонить к роптанию много черни, ведь, когда привели почтенного митрополита, чтобы он обратился к народу с речью, переодетые отставные офицеры, в большинстве своем поляки, пытались напрасно возбудить народ, чтобы он оскорблял его, и они угрожали еще на кого-то напасть, как на несчастного Милорадовича. К счастью, все, кажется, к нынешнему моменту уже закончилось, солдаты покорны и раскаиваются, а в Гвардейском экипаже были признаны виновными одиннадцать офицеров; посмотрим, что покажет следствие; подстрекатели зачинщиков точно будут найдены; кажется, что корни революционной гидры доросли лишь досюда, после смерти самодержца Александра она ждала, что полетят головы.

Во время моего вчерашнего разговора с графом Нессельроде, выражая мое удивление по поводу князя Трубецкого, получил в ответ, что, к сожалению, верно, что он очень скомпрометирован и что здесь, как и во всех других местах, множество офицеров, в основном отставных и польских, заражены революционной лихорадкой.

С каждый разом я все больше убеждаюсь в необходимости шифра, который проходил бы через малое количество рук, который нигде бы не хранился и, если бы это было возможно, который присылался бы напрямую и со всеми предосторожностями из Вашего секретариата в наше представительство.

Да хранит Господь Вашу Светлость,
Х. М. Паес де ла Кадена

¹ Вспеподданнейший доклад высочайше учрежденной Следственной комиссии от 30 мая 1826 г. // Восстание декабристов: материалы по истории восстания декабристов. Т. 17. М., 1980. С. 24–62; *Корф М. А.* Восшествие на престол Николая I. СПб., 1857.

² *Покровский М. Н., Мицкевич С. Н.* Нужно ли праздновать юбилей декабристов // Декабристы. 1825–1925. К столетию восстания декабристов: сборник статей и материалов. М., 1925. С. 19–32.

³ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. II. М., 1955.

⁴ *Горди Я. А.* Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989.

⁵ *Юрчик Е. Э.* Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паес де ла Кадена // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. М., 2018. С. 169–174.

⁶ *Райнхардт Р. О.* Начало дипломатической миссии посла Испании Х. М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824–1825) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 466–476.

⁷ *Райнхардт Р. О.* 1) Испанский дипломат в творческом наследии А. С. Пушкина // Европейский день языков в МГИМО. М., 2021. С. 137–144; 2) Контакты дипломатического корпуса Санкт-Петербурга с А. С. Пушкиным в конце 1829 — начале 1830 года: протокольный и коммуникационный аспекты // *Bylye Gody*. 2021. № 16 (2). С. 641–651.

⁸ *Белоусов М. С.* Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междоцарствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 2. С. 357–374.

⁹ *Юрчик Е. Э.* Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паес де ла Кадена // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. М., 2018. С. 169–174.

¹⁰ Archivo Histórico Nacional (далее — АНН). Estado. Leg. 5919. Despacho no. 146 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.13). Fol. 4. — Здесь и далее депеши датируются по юлианскому календарю.

¹¹ Archives du ministère des Affaires étrangères de la France. Ambassade de France en Russie. Comte de La Ferronnays, ambassadeur. Correspondance politique. Russie en 1825. Vol. 169.

¹² АНН. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 132 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.11.24).

¹³ Документы, взятые при обыске у секретаря графа Лавалья Ваше (письма, записки Ваше на французском языке) // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 36. Оп. 4. Д. 501а. 109 л.

¹⁴ *Белоусов М. С.* Иностранцы наблюдатели российского политического кризиса: кейс междоцарствия 1825 года // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66, № 2. С. 48–68.

¹⁵ АНН. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 147 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14).

¹⁶ Ibid. Despacho no. 148 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14).

¹⁷ Ibid. Despacho no. 149 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14).

¹⁸ Ibid. Despacho no. 150 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.15).

¹⁹ Ibid. Despacho no. 151 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.15).

²⁰ Ibid. Despacho no. 152 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.16).

- ²¹ Ibid. Despacho no. 153 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.16).
- ²² Соловьев С. М. Император Александр I. Политика и дипломатия. СПб., 1877. С. 415–417, 448–456; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 т. Т. 4. СПб., 1898. С. 224–225, 254–255, 258–261; Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 238–241, 295–297.
- ²³ Подробный анализ историографии см.: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX века: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 487–513.
- ²⁴ Любезников О. А. Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.
- ²⁵ О закрытии масонских лож и наблюдении о непродолжении масонских работ, а равно о лицах, подозреваемых в участии на масонских собраниях после запрещения таковых и взятия подписок // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1225. Л. 1–9.
- ²⁶ О беспорядках, произошедших в Свислочской гимназии (1824–1826) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1300. Л. 19–26.
- ²⁷ Меры против ввоза из-за границы в Царство Польское запрещенных книг и картин; учреждение Цензурного комитета для заграничных книг (1824–1829 г.) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1301. Л. 1–2.
- ²⁸ Переписка с 27 июня 1824 г. по 18 мая 1827 г. // РГВИА. Ф. 25. Оп. 2 (161а). Д. 425. Л. 1–72.
- ²⁹ Константин Павлович, вел. кн. О вредном направлении умов военных людей и о мерах, принятых для отвращения в войсках вольнодумства. 19 мая 1821 г. // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 45.
- ³⁰ Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 105.
- ³¹ Бумаги Е. И. В. цесаревича Константина Павловича. 1812–1830 годы. Две записки его (2. О намерении одного 15 (13)-летнего воспитанника Виленского университета бежать в Неаполь к карбонариям, 1821 год) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1–2 об.
- ³² Сообщения тайных агентов о сборищах польских студентов. 1820 // РГВИА. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1083. Л. 1–32; О настроениях умов. 1822 // РГИА. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1085. Л. 1–195; Донесения о событиях и происшествиях... 1822–1823 // РГИА. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1086. Л. 1–81; Донесения о событиях и происшествиях... 1824 // РГИА. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1087. Л. 1–58.
- ³³ Переписка Главного директора Коновницына с в. к. Константином Павловичем о «якобинских настроениях» среди выпускников Пажеского и 1-го Кадетского корпуса. 17.07.1822–29.07.1822 // РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–7.
- ³⁴ Там же. Л. 3.
- ³⁵ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 331–332.
- ³⁶ Белоусов М. С., Абдуллаев Я. Первые испанские революции и правящие круги Российской империи // Российская история. 2021. № 1. С. 46–57.

References

ANDREEVA T.V. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi tretii XIX v.: pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie* [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century: Government policy and public opinion]. St. Petersburg: Siki Rossii, 2009.

BELOUSOV M. S. *Depeshi ispanского posla kak istochnik po istorii politicheskoi kul'tury mezhdutsarstviia* [The Dispatches of Spanish Ambassador as a Source of Interregnum's Political Culture] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia. 2020. Vol. 65, iss. 2. P. 357–374.

BELOUSOV M.S. *Inostrannye nabliudateli rossiiskogo politicheskogo krizisa: keis mezhdutsarstviia 1825 goda* [Foreign observers of the Russian political crisis: the case of the 1825 interregnum] // *Noviaia i noveishaia istoriia*. 2022. Vol. 66, no. 2. P. 48–68.

BELOUSOV M. S., ABUDLLAEV Ia. *Pervye ispanskiye revoliutsii i praviashchie krugi Rossiiskoi imperii* [The first Spanish revolutions and ruling circles of the Russian Empire] // *Rossiiskaia istoriia*. 2021. No. 1. P. 46–57.

GORDIN Ia. A. *Miatezh reformatorov: 14 dekabria 1825 goda* [Revolt of reformers: December 14, 1825]. Leningrad: Lenizdat, 1989.

IURCHIK E. E. *Svidetel' vosstaniia dekabristov: ispanskii poslan'nik Khuan Migel' Paes de la Kadena* [Witness to the Decembrist uprising: Spanish envoy Juan Miguel Paez de la Cadena] // *Ispaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kul'tur*. Tri stoletiiia otnoshenii. Moscow: Indrik, 2018. P. 169–174.

KORF M. A. *Vosshestvie na prestol Nikolaia I* [Accession to the throne of Nicholas I]. St. Petersburg: tip. II-go Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imp. Vel. Kantseliarii, 1857.

LIUBEZNIKOV O. A. *Nikolai Nikolaevich Novosiltsov — gosudarstvennyi deiatel' imperatorskoi Rossii pervoi treti XIX veka* [Nikolai Nikolaevich Novosiltsov — statesman of imperial Russia in the first third of the 19th century]; Dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2013.

NECHKINA M. V. *Dvizhenie dekabristov* [Movement of Decembrists]. Vol. II. Moscow: AN SSSR Publ., 1955.

NIKOLAI MIKHAILOVICH, vel. kn. *Imperator Aleksandr I: opyt istoricheskogo issledovaniia* [Emperor Alexander I: The Experience of Historical Research]; in 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg: Entsiklopediia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag, 1912.

POKROVSKII M. N., MITSKEVICH S. N. *Nuzhno li prazdnovat' iubilei dekabristov* [Whether of needed to celebrate anniversary of Decembrists?] // *Dekabristy. 1825–1925. K stoletiiu vosstaniia dekabristov: sbornik statei i materialov* [Decembrists. 1825–1925. By century of Decembrist revolt: the collection of articles and materials]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1925. P. 19–32.

RAINKHARDT R. O. *Nachalo diplomaticheskoi missii posla Ispanii Kh. M. Paesa de la Kadena v Rossiiskoi Imperii (1824–1825)* [The beginning of the diplomatic mission of the Ambassador of Spain H. M. Paez de la Cadena in the Russian Empire (1824–1825)] // *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 11. P. 466–476.

RAINKHARDT R. O. *Ispanskii diplomat v tvorcheskom nasledii A. S. Pushkina* [Spanish diplomat in the creative heritage of A. S. Pushkin] // *Evropeiskii den' iazykov v MGIMO*. Sbornik nauchnykh materialov IV Mezhvuzovskoi konferentsii. Moscow, 2021. P. 137–144.

RAINKHARDT R. O. *Kontakty diplomaticheskogo korpusa Sankt-Peterburga s A. S. Pushkinym v kontse 1829 — nachale 1830 godov: protokol'nyi i kommunikatsionnyi aspekty* [Contacts of the diplomatic corps of St. Petersburg with A. S. Pushkin in late 1829 — early 1830: protocol and communication aspects] // *Bylye Gody*. 2021. No. 16 (2). P. 641–651.

SOLOV'EV S. M. *Imperator Aleksandr I. Politika i diplomatiia* [Emperor Alexander I. Politics and Diplomacy]. St. Petersburg: tip. M. M. Stasiulevicha, 1877.

SHIL'DER N. K. *Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander the First. His life and reign]; in 4 vols. Vol. 4. St. Petersburg: tip. A. S. Suvorina, 1898.

ZORIN A. *Kormia dvuglavogo orla... Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiya v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka* [Feeding a two-headed eagle... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th — first third of the 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. С. Белоусов. Польский заговор в день восшествия на престол Николая I: версия испанского дипломата Паеса де ла Кадены // Петербургский исторический журнал. 2023. № 1. С. 47–59

Аннотация: Статья посвящена проблеме генезиса мифологемы о заговоре тайных обществ в среде российской власти и политического истеблишмента. Опираясь на сформулированный в другой работе тезис о преимущественном значении донесений российских дипломатов о событиях в Испании в сравнении с заявлениями К. Меттерниха касательно итальянских революций для складывания мифологемы образца 1820 г., автор использует эту исследовательскую парадигму для того, чтобы проследить эволюцию концепта в 1821–1825 гг. Анализируются многочисленные доносы на польских студентов и офи-

церов, определившие трансформацию мифологемы: роль протагониста к 1825 г. в ней занял не мифический Парижский комитет, а польские патриоты. Именно это объясняет особенность самой первой реакции К. В. Нессельроде на события 14 декабря: по его изначальному утверждению, в столице случился бунт польских офицеров, целью которого было свергнуть империю в анархию и смуту. В качестве приложений публикуются донесения испанского дипломата Паеса де ла Кадены, ставшего свидетелем восстания декабристов и зафиксировавшего подробно риторику руководителя российского МИДа.

Ключевые слова: Паес де ла Кадена, К. В. Нессельроде, К. Меттерних, восстание декабристов, мифологема, тайные общества, Россия, Польша.

FOR CITATION

M. S. Belousov. Polish conspiracy on the day of accession to the throne of Nicholas I: the version of the Spanish diplomat Paez de la Cadena // Petersburg historical journal, no. 1, 2023, pp. 47–59

Abstract: The article is devoted to the problem of the genesis of the mythologeme about the conspiracy of secret societies among the Russian authorities and the political establishment. Based on the thesis formulated in another work about the predominant importance of the reports of Russian diplomats about the events in Spain in comparison with the statements of K. Metternich regarding the Italian revolutions for folding the mythologeme of the 1820 model, the author uses this research paradigm in order to trace the evolution of the concept in 1821–1825. Numerous denunciations of Polish students and officers are analyzed, which determined the transformation of the mythologeme: by 1825, the role of the protagonist in it was taken not by the mythical Paris Committee, but by Polish patriots. This is what explains the peculiarity of the very first reaction of K. V. Nesselrode on the events of December 14: according to his initial statement, a riot of Polish officers took place in the capital, the purpose of which was to plunge the empire into anarchy and confusion. As appendices, reports of the Spanish diplomat Paez de la Cadena, who witnessed the Decembrist uprising and recorded in detail the rhetoric of the head of the Russian Foreign Ministry, are published.

Key words: Paez de la Cadena, K. V. Nesselrode, K. Metternich, Decembrist revolt, mythology, secret societies, Russia, Poland.

Автор: Белоусов, Михаил Сергеевич — к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

Author: Belousov, Mikhail S. — PhD in History, associate professor, St. Petersburg State University.

E-mail: m.s.belousov@gmail.com

ORCID 0000-0002-6646-3927